

общественное богатство сосредоточивается въ рукахъ немногихъ, дало этимъ немногимъ возможность жить паразитами на счетъ эксплуатируемой массы, весь трудъ которой идетъ на поддержаніе ихъ роскошной и бездѣтельной жизни или на защиту ихъ интересовъ. Такое положеніе, въ несправедливости котораго тѣ, которые страдаютъ отъ него, уже увѣрились, не можетъ долго продолжаться. Рабочіе потребуютъ возможности свободно пользоваться продуктами своего труда и, если имъ будутъ продолжать въ этомъ отказывать, прибѣгнуть къ возстанію; тогда буржуазія можетъ сколько угодно прятаться за соображеніе о томъ, что человѣкъ вообще дурень: революція все равно совершится. И вотъ, если дѣйствительно человѣкъ неспособенъ къ совершенствованію — а мы видѣли, что это невѣрно, — тогда начнется борьба аппетитовъ; буржуазія, какъ бы ни была она жадна, окажется во всякомъ случаѣ побѣжденной, потому что она будетъ въ меньшинствѣ. Если же человѣкъ дурень только потому, что его дѣлаютъ такимъ существующія учрежденія, то онъ сможетъ подняться до такого общественнаго строя, который будетъ содѣйствовать его нравственному, умственному и физическому развитію, и сумѣетъ преобразовать общество въ направленіи солидарности интересовъ. Но, какъ бы то ни было, революція, во всякомъ случаѣ, произойдетъ. Сфинксъ ставитъ передъ нами этотъ вопросъ, и мы безъ страха отвѣчаемъ на него, потому что мы, анархисты — разрушители законовъ и собственности — знаемъ ключъ къ его разгадкѣ.

Глава V

СОБСТВЕННОСТЬ.

Прежде чѣмъ продолжать изложеніе нашихъ взглядовъ, лишнимъ будетъ рассмотреть тѣ учрежденія, къ уничтоженію которыхъ мы стремимся, тѣ основы, на которыхъ покоится современное буржуазное общество, и объективную цѣнность этихъ основъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, почему нельзя преобразовать общество, не измѣнивъ всей его организаціи цѣликомъ и почему, пока это измѣненіе не совершится, никакое улучшеніе въ немъ не будетъ дѣйствительно. Мы увидимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какія именно причины заставили насъ сдѣлаться анархистами и революціонерами.

Защита частной собственности и ея передача по наслѣдству

— вот основы современного общественного строя. Изъ нея вытекает правительственная власть, современная семья, судебная власть, армія, — всѣ эти гнетущія и разоряющія насъ учрежденія. Есть еще религія, но мы не будемъ заниматься ею: наука, хотя и буржуазная, уже убила ее. Оставимъ мертвыхъ въ покоѣ.

Мы не имѣемъ въ виду дать историческій обзоръ развитія собственности: социалисты всѣхъ фракцій уже дѣлали это много разъ и вполне доказали, что она есть ничто иное, какъ результатъ воровства, обмана или пользованія правомъ сильного. Намъ остается только привести нѣкоторые факты въ доказательство ея несправедливости и показать, что именно отъ нея происходятъ всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ мы страдаемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, мы увидимъ, что всѣ предложенныя реформы — не болѣе какъ приманки, способныя только усыпить эксплуатруемыхъ, и что для устраненія существующаго зла нужно уничтожить его въ самомъ его источникѣ — собственности и капитализмѣ.

Современная наука показала намъ, что земля образовалась изъ космическаго вещества, отдѣлившагося отъ солнечной туманности. Вслѣдствіе вращенія вокругъ своей оси и вокругъ центрального свѣтила это ядро сгустилось и, какъ дѣтище солнца, начало, подобно произведшему его свѣтилу, свѣтить собственнымъ свѣтомъ въ видѣ маленькой звѣзды среди млечнаго пути. Позднѣе, масса его охладилась, перешла изъ газообразнаго состоянія въ жидкое и полу-жидкое. а затѣмъ, все больше и больше и больше уплотняясь, стала совершенно твердой. При этомъ газы, находившіеся въ раскаленной массѣ, образовали между собою различныя соединенія и дали начало тому основному матеріалу, который вошелъ въ составъ земли — минераламъ, металламъ, атмосфернымъ газамъ.

По мѣрѣ того, какъ земля все больше и больше охлаждалась, дѣйствіе воды и атмосфернаго воздуха на минералы давало начало слоямъ почвы; вмѣстѣ съ тѣмъ, соединеніе водорода, кислорода, углерода и азота произвело, въ глубинѣ водъ, нѣчто вроде органической студенистой массы, не имѣвшей ни опредѣленной формы, ни органовъ, ни сознания. Эта масса обладала однако способностью двигаться, выпуская изъ себя отростки въ томъ направленіи, въ которомъ она хотѣла перемѣшаться, или, вѣрнѣе, въ которомъ на нее дѣйствовало извѣстное притяженіе, и способностью ассимилировать захваченныя ею постороннія тѣла и ими питаться: наконецъ, у нея была еще одна способ-

ность: дѣлиться, по достиженіи извѣстной ступени развитія, надвое и, такимъ образомъ, давать начало новому организму, вполне сходному съ первымъ.

Таково скромное начало существованія человѣчества — настолько скромное, что лишь гораздо позднѣе, послѣ долгой эволюціи, послѣ образованія цѣлаго ряда типовъ въ цѣпи живыхъ существъ стало возможнымъ отличить животное отъ растенія. Пролѣднить здѣсь весь рядъ формъ до человѣка значило бы изложить тотъ ходъ эволюціи, который современная наука объясняетъ такъ ясно и такъ понятно для всякаго непредубѣжденнаго человѣка. Намъ остается только отослать къ ней читателя, а самимъ воспользоваться лишь нѣкоторыми фактами для доказательства той мысли, что часть земли была произвольно захвачена группою личностей, обратившихъ ее въ свою собственную пользу и въ пользу своихъ потомковъ, въ ущербъ, какъ менѣе благоприятно поставленнымъ личностямъ, такъ и будущимъ поколѣніямъ.

Очевидно, что такое объясненіе появленія человѣка на землѣ разрушаетъ всѣ чудесные рассказы о его сотвореніи. Въ немъ нѣтъ мѣста ни богу, ни какой бы то ни было другой творческой силѣ; человѣкъ есть ничто иное, какъ продуктъ эволюціи жизни земли, которая сама есть результатъ извѣстнаго соединенія газовъ, а эти газы, въ свою очередь, прошли черезъ цѣлый рядъ превращеній, прежде чѣмъ, соединившись при надлежащей плотности и въ надлежащихъ пропорціяхъ, дали начало первому проявленію жизни. Но если мы устранимъ такимъ образомъ представленіе о сверхъестественномъ происхожденіи человѣка, то точно такъ же теряетъ подъ собою почву и представленіе о божественномъ происхожденіи общества въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ, съ его раздѣленіемъ на богатыхъ и бѣдныхъ, на управляющихъ и управляемыхъ. Государственная власть, столько времени опиравшаяся на легенду о своемъ сверхъестественномъ происхожденіи и державшаяся по меньшей мѣрѣ постольку же этой легендой, поскольку и грубой силой, уже поддается подъ напоромъ критики и грозитъ разрушиться; въ настоящее время ей приходится уже прятаться за всеобщее избирательное право и законъ большинства. Она могла существовать только до тѣхъ поръ, пока не полвергалась критикѣ, а теперь, какъ мы увидимъ ниже, держится только благодаря силѣ. Мы можемъ поэтому сказать, что подъ вліяніемъ этой критики

собственность и власть постепенно умираютъ: то, что обсуждается, уже не пользуется авторитетомъ; то, что опирается только на силу, можетъ точно такъ-же быть разрушено силою.

Растеніе пытается насчетъ минеральнаго міра и атмосферы, животное — насчетъ растенія и уже гораздо позднѣе — насчетъ другихъ животныхъ, но во всемъ этомъ нѣтъ никакой заранѣе изобрѣтенной іерархіи живыхъ существъ, никакого плана, созданнаго Творцомъ міра или Природой, взятой въ отвлеченномъ смыслѣ. Никѣмъ не предустановлено, чтобы растеніе должно было служить въ пищу животному, животное и растеніе — въ пищу человѣку, а одна категорія людей — должна была быть слугами другой и доставлять этимъ избраннымъ возможность наслаждаться жизнью. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, кромѣ эволюціи, совершающейся подъ вліяніемъ естественныхъ законовъ: сгущеніе газовъ дало начало минераламъ; питаться этими минералами могъ только растительный міръ, который, превращая ихъ въ органическія вещества, сдѣлалъ возможнымъ впоследствии развитіе жизни животной.

Если же мы признаемъ это эволюціонное происхожденіе человѣка, то для насъ станетъ очевиднымъ, что и послѣ появленія на землѣ первыхъ мыслящихъ существъ, для облегченія ихъ дальнѣйшаго развитія не нужно было содѣйствія никакого Провидѣнія, никакого высшаго существа, которое дало бы въ удѣлъ однимъ власть надъ своими ближними, другимъ — собственность на землю, а большинству — нужду и лишенія, повинновеніе своимъ господамъ и, какъ единственную функцію — работу въ пользу этихъ послѣднихъ.

Но дѣло въ томъ, что **борьба за существованіе**, была вначалѣ единственною основою жизни; единственною заботой человѣка было съѣсть другого, чтобы не быть съѣденнымъ самому. Когда же люди начали бессознательно пользоваться пчелами, гораздо болѣе высокимъ принципомъ, — принципомъ ассоціаціи для **совмѣстной борьбы**, — то въ образовавшемся такимъ образомъ обществѣ должно было неизбежно проявиться стремленіе къ борьбѣ и господству, переданное человѣкомъ по наслѣдству отъ предыдущихъ поколѣній. Личности, у которыхъ это стремленіе было сильнѣе, взяли верхъ надъ тѣми, у которыхъ оно было слабѣе. Установившаяся такимъ образомъ власть вплотизмѣнялась затѣмъ сообразно развитію человѣческаго ума; общественный строй подвергался различнымъ превращеніямъ со-

отвѣтственно тому, парили ли въ обществѣ сила, религіозный духъ, или коммерческій расчетъ. Въ этихъ разнообразныхъ формахъ власть удержалась до нашихъ дней и будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не избавится отъ своихъ ошибокъ и предразсудковъ, не завоюетъ себѣ независимость и не перестанетъ поработать другихъ, изъ боязни быть самому поработеннымъ болѣе сильными.

Когда легенда о божественномъ происхожденіи власти и собственности оказалась разрушенной самой буржуазной наукой, буржуазія постаралась дать имъ другую основу, болѣе прочную и болѣе естественную. Политико-экономы возвели въ «естественные законы» тѣ факты общественной жизни, которые въ дѣйствительности происходятъ отъ плохой организаціи общества, приняли ихъ за причину того, чего они въ сущности являются лишь слѣдствіями, и украсили все пелѣности названіемъ науки. Чтобы узаконить самыя безобразныя общественныя преступленія, самую страшную эксплуатацію со стороны капитализма, они хотѣли свалить всю вину въ существующей бѣдности на самихъ же бѣдняковъ; они возвели въ законъ самосохраненія общества самый уродливый эгоизмъ, который, какъ мы видѣли выше, можетъ вести лишь къ общественнымъ столкновеніямъ, къ тратѣ силъ и общественному регрессу, — если только онъ не смячается другимъ, болѣе развивающимъ и болѣе гуманнымъ началомъ — солидарностью.

Буржуазное общество основано на капиталѣ, а этотъ послѣдній является въ формѣ денегъ; но, чтобы замаскировать ту исключительную роль, которую онъ играетъ въ производствѣ и обмѣнѣ, политико-экономы включаютъ въ понятіе о капиталѣ все. Человѣкъ, который женился и производитъ на свѣтъ дѣтей, затрачиваетъ капиталъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и создаетъ его вновь, потому что ребенокъ, когда онъ вырастетъ, сдѣлается въ свою очередь капиталомъ! Мышечная сила, которую тратитъ рабочій въ производствѣ, есть капиталъ! Замѣтимъ, что помимо своихъ рукъ, рабочіе всегда вносятъ въ свою работу — какова бы она ни была — и извѣстное количество умственного труда, часто превышающее соотвѣтственный трудъ предпринимателя, но такъ какъ, въ такомъ случаѣ, пришлось бы считать на долю рабочихъ двойную порцію капитала, а это стѣснило бы политико-экономовъ въ ихъ расчетахъ, то они и обходятъ этотъ фактъ молчаніемъ.

Но такъ какъ сведеніемъ всей человѣческой дѣятельности на понятіе о капиталѣ всетаки нельзя объяснить происхожденіе капитала, то они и изобрѣли слѣдующее: «капиталъ — это та доля пріобрѣтеннаго трудомъ, которую предусмотрительные люди не потребили сразу, а сберегли въ виду будущихъ потребностей.» И вотъ здѣсь-то интересно сдѣлать нѣкоторый расчетъ.

Всякій капиталъ, пущенный въ оборотъ, говорятъ политико-экономы, долженъ принести: 1) извѣстную сумму, равную затраченной, чтобы цѣликомъ возстановиться, и 2) извѣстную прибыль, представляющую какъ бы страховую премію за рискъ, которому подвергается капиталъ. А такъ какъ рабочій, которому платять за его трудъ, ничѣмъ не рискуетъ, то онъ имѣетъ право лишь на первую долю, которая дастъ ему возможность возмѣстить потраченный имъ капиталъ, г. е. питаться, одѣваться, имѣть помѣщеніе и вообще возстановлять свои силы. Имѣть дѣтей онъ долженъ не больше, чѣмъ позволяетъ ему избытокъ его заработка.

Что же касается хозяина, то это — дѣло совсѣмъ другое. Онъ вноситъ прежде всего первоначальный капиталъ, который идетъ на плату рабочимъ и на необходимыя покупки и представляетъ собою сумму тѣхъ удовольствій, которыхъ онъ лишалъ себя въ прошломъ. Какъ и капиталъ рабочаго, этотъ капиталъ долженъ прежде всего возстановить самого себя и кромѣ того принести еще страховую премію за рискъ; эта премія составитъ прибыль эксплуататора. Кромѣ того, если дѣло идетъ о промышленномъ предпріятіи, то въ него вкладывается еще и стоимость построекъ и машинъ, которая также должна вернуться капиталисту и принести ему страховую премію. Мало того: его умъ тоже представляетъ собою капиталъ, и капиталъ не малый. Капиталистъ долженъ сумѣть выгодно помѣстить свой капиталъ, долженъ умѣть управлять своими дѣлами и самимъ собою, узнавать, какіе предметы выгоднѣе производить, гдѣ существуетъ на нихъ спросъ, и т. п. Этотъ третій капиталъ тоже долженъ быть возвращенъ ему изъ его предпріятія. Прибавьте къ этому, что, если предприниматель — инженеръ, ученый, врачъ, то вознагражденіе должно быть еще гораздо больше, потому что для образованія этого капитала потребовалось много затратъ, а, слѣдовательно, и возстановленіе его стоитъ дороже.

Затѣмъ, разъ только это тонкое различіе между различными элементами, участвующими въ производствѣ, установлено, то су-

шествующее распределение оказывается вполне справедливымъ: капиталистъ получаетъ свои три доли изъ общаго продукта — вотъ и все. Вѣдь рабочій получилъ свою часть, чего же ему еще нужно? Пусть тоже берегаетъ, а затѣмъ вложитъ свои сбереженія въ какое-нибудь промышленное предпріятіе; тогда онъ тоже будетъ получать тройную прибыль. Если онъ хочетъ чего-нибудь добиться, пусть прежде всего научится ограничивать себя! Пусть не тратитъ своихъ денегъ безсмысленно по кабакамъ! Пусть не производитъ на свѣтъ такъ много дѣтей! Борьба тяжела и человѣкъ долженъ уметь отказывать себѣ въ удовольствіяхъ въ настоящемъ, если хочетъ увеличить ихъ въ будущемъ!...

Рѣшаются ли господа экономисты, толкующіе намъ объ умѣ капиталистовъ, утверждать, что тотъ, кто наживаетъ миллионы биржевой игрой, спекуляціями и монопольнымъ захватомъ, тратитъ въ миллионъ разъ большую умственную силу, чѣмъ — я не говорю уже рабочій, котораго можно считать артистомъ своего дѣла, — но даже самый простой рабочій, въ самомъ обыденномъ ремеслѣ? Возьмите любого рабочаго — изъ тѣхъ, кому судьба наиболѣе благоприятствуетъ, кто получаетъ сравнительно хорошую заработную плату, никогда не остается безъ работы, никогда не болѣетъ. Сможетъ ли этотъ рабочій жить той широкой жизнью, которою должны были бы пользоваться всѣ, сможетъ ли онъ удовлетворять, продолжая работать, всѣ свои физическія и умственные потребности? Да что объ этомъ говорить: онъ не сможетъ удовлетворить даже сотую долю своихъ потребностей, если даже онѣ будутъ у него самыя ограниченныя, а если онъ захочетъ сберечь себѣ хоть что-нибудь на старость, то ему придется еще болше сокращать ихъ. И всетаки, какъ бы онъ ни былъ бережливъ, ему никогда не удастся скопить столько, чтобы имѣть возможность жить, не работая. Сбережений, сдѣланныхъ въ производительную пору его жизни, едва хватитъ на пополненіе того дефицита, который принесетъ съ собою старость — если только онъ не получитъ наслѣдства или, вообще, въ его жизни не произойдетъ какой-нибудь счастливый случай, не имѣющій ничего общаго съ трудомъ.

А сколько на одного такого привилегированнаго рабочаго приходится бѣдняковъ, никогда не имѣющихъ возможности утолить свой голодъ! Развитіе машинъ даетъ возможность эксплуататорамъ уменьшить свой рабочій персоналъ; безработныхъ рабочихъ, которые понижаютъ заработную плату и увеличиваютъ

безработицу, становится все больше и больше; кромѣ того, заработокъ уменьшается еще вслѣдствіе болѣзней, такъ что, въ концѣ концовъ, рабочій, пользующійся достаткомъ, все больше и больше обращается въ мизѣ: онъ не только не можетъ рассчитывать выбраться изъ нужды, но если буржуазное общество продержится еще долго, ему предстоить все глубже и глубже погружаться въ нее.

Представимъ себѣ теперь случай, когда такой достаточный рабочій, вмѣсто того, чтобы продолжать откладывать свои сбереженія въ видѣ денегъ, заводитъ, накопивъ нѣкоторую сумму, собственное предпріятіе. Это точно такъ же дѣлается все менѣе и менѣе осуществимымъ, потому что примѣненіе машинъ требуетъ соединенія очень большихъ капиталовъ и не даетъ возможности существовать отдѣльному предпринимателю; но допустимъ, что это возможно и что нашъ самостоятельный рабочій-хозяинъ работаетъ одинъ. Если политико-экономы правы, говоря, что всякая человѣческая способность представляетъ собою капиталъ, вложенный въ предпріятіе и обогащающій ея обладателя, то мы видимъ здѣсь человѣка, вложившаго и денежный капиталъ, и капиталъ въ видѣ рабочей силы, и капиталъ умственный; а такъ какъ ему при этомъ не съ кѣмъ дѣлиться, то очевидно его капиталъ долженъ скоро удешевиться, а самъ онъ — сдѣлаться миллионеромъ.

Въ дѣйствительности же рабочихъ, которые бы работали одни, сами на себя, почти не существуетъ, а мелкій хозяинъ, нанимающій двухъ или трехъ человѣкъ, живетъ лишь очень немногимъ лучше своихъ рабочихъ, причемъ онъ долженъ работать столько же, какъ и они, если не больше, потому что ему постоянно грозятъ различные платежи; онъ не можетъ рассчитывать ни на какое улучшеніе своего положенія и долженъ считать себя счастливымъ, если ему удастся удержаться на высотѣ своего сравнительнаго благосостоянія и избѣгнуть банкротства. Большіе доходы, крупныя состоянія, широкая жизнь составляютъ привиллегію только крупныхъ собственниковъ, крупныхъ акціонеровъ, крупныхъ фабрикантовъ, крупныхъ спекуляторовъ, которые сами не работаютъ, а нанимаютъ цѣлыя сотни рабочихъ. Это ясно показываетъ, что капиталъ — дѣйствительно накопленный трудъ, но только трудъ другихъ, собравшійся въ рукахъ одного грабителя.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ основного недостатка

нашей общественной организаціи является тотъ фактъ, что машины — этотъ величайшій шагъ впередъ, результатъ всѣхъ накопленныхъ знаній, переходившихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, машины, которыя должны были бы пойти на пользу всѣхъ человѣческихъ существъ, которымъ онѣ облегчаютъ жизнь, увеличивая ихъ производительную силу и уменьшая трудъ — въ дѣйствительности приносятъ рабочимъ только усиленіе ихъ нужды и лишенія. Изъ употребленія машинъ извлекаютъ пользу одни капиталисты, потому что машины даютъ имъ возможность сокращать рабочій персоналъ и, кромѣ того, вслѣдствіе розни, устанавливающейся благодаря безработицѣ между занятыми и незанятыми рабочими, понижаютъ заработокъ первыхъ, такъ какъ нужда заставляетъ ихъ соглашаться на всякую предложенную плату, даже если она ниже суммы, необходимой для пропитанія ихъ самихъ и ихъ семьи. Такъ называемые естественные законы оказываются, такимъ образомъ, нарушенными благодаря ихъ же собственному дѣйствію, а это показываетъ, что если даже это и «законы», то, во всякомъ случаѣ, не законы «естественные».

Съ другой стороны, очевидно и то, что при всѣхъ своихъ капиталахъ, при всѣхъ своихъ машинахъ, капиталисты не могли бы ровно ничего производить безъ помощи рабочихъ, тогда какъ рабочіе, если бы они согласились между собою и соединили свои силы, могли бы отлично обходиться безъ капиталистовъ. Но дѣло не въ томъ. Мы хотимъ сдѣлать изъ сказаннаго только тотъ выводъ, что разъ капиталисты не могутъ ничего достигнуть безъ помощи рабочихъ, то изъ этого слѣдуетъ, что самымъ важнымъ факторомъ въ производствѣ являются именно эти послѣдніе и что имъ должна была бы доставаться наибольшая доля продукта. Отчего же происходитъ, что эта доля идетъ, наоборотъ, капиталистамъ, что чѣмъ меньше они работаютъ, тѣмъ больше получаютъ, тогда какъ рабочіе чѣмъ больше производятъ, тѣмъ больше усиливаютъ безработицу и уменьшаютъ свои шансы стать потребителями? Какимъ образомъ происходитъ, что чѣмъ больше магазины ломятся подъ тяжестью продуктовъ, тѣмъ больше производители умираютъ съ голоду, и что богатство, которое должно было бы быть источникомъ всеобщаго довольства, становится, наоборотъ, причиной бѣдности того, кто его создалъ?

Изъ сказаннаго мы видимъ, что частная собственность доступна только для того, кто эксплуатируетъ другихъ. Исторія

человѣчества показываетъ намъ, что эта форма собственности не существовала въ первыхъ человѣческихъ обществахъ, а начала выдѣляться изъ общей собственности рода или клана лишь на гораздо болѣе поздней ступени эволюціи — одновременно съ выдѣленіемъ семьи изъ первоначальнаго смѣшенія половъ. Это, конечно, не могло бы считаться аргументомъ противъ ея законности, если бы только она не была основана на произволѣ; мы хотимъ только показать этимъ, какъ мало цѣны имѣютъ аргументы защитниковъ буржуазіи, утверждающихъ, что собственность существовала всегда въ такомъ видѣ, какъ теперь.

Да кромѣ того, развѣ тѣ люди, которые теперь такъ возмущаются противъ анархистовъ, собирающихся отобрать у нихъ силой ихъ собственность, церемонились сколько-нибудь въ 1789 году, когда они отбирали собственность у дворянства, или когда они обманывали надежды крестьянъ, которые взяли за дѣло и стали вѣшать аристократовъ-помѣщиковъ, разрушать замки и завладѣвать помѣстьями? Развѣ цѣлью всѣхъ этихъ конфискацій и продажъ — фиктивныхъ или по непомѣрно дешевымъ цѣнамъ — не было ограбить въ свою пользу какъ прежнихъ собственниковъ, такъ и крестьянъ, рассчитывавшихъ также получить свою долю? Развѣ это не было простымъ проявленіемъ права сильного, которое они только прикрывали законными формами? Развѣ это лишеніе собственности не было еще болѣе несправедливымъ, чѣмъ наше — даже если бы признать, что наше несправедливо, что совершенно невѣрно? Оно совершалось не въ пользу коллективности, а ради обогащенія нѣсколькихъ торговыхъ, которые успѣли объявить войну нападавшимъ на замки крестьянамъ и начали разстрѣливать ихъ какъ разбойниковъ. Поэтому, когда буржуазію хотятъ заставитьъ отдать свою собственность, ей нечего жаловаться, что ее грабятъ: сама эта собственность есть продуктъ кражи.

VI

СЕМЬЯ.

Собственность, семья и власть развивались параллельно. Разъ только люди соединялись между собою подъ вліяніемъ потребности устранить какое-нибудь препятствіе, о которое бесполезно разбивались всѣ ихъ единичныя успія, прибыль, получаемая отъ этого соединенія силъ, должна была, несомнѣнно,